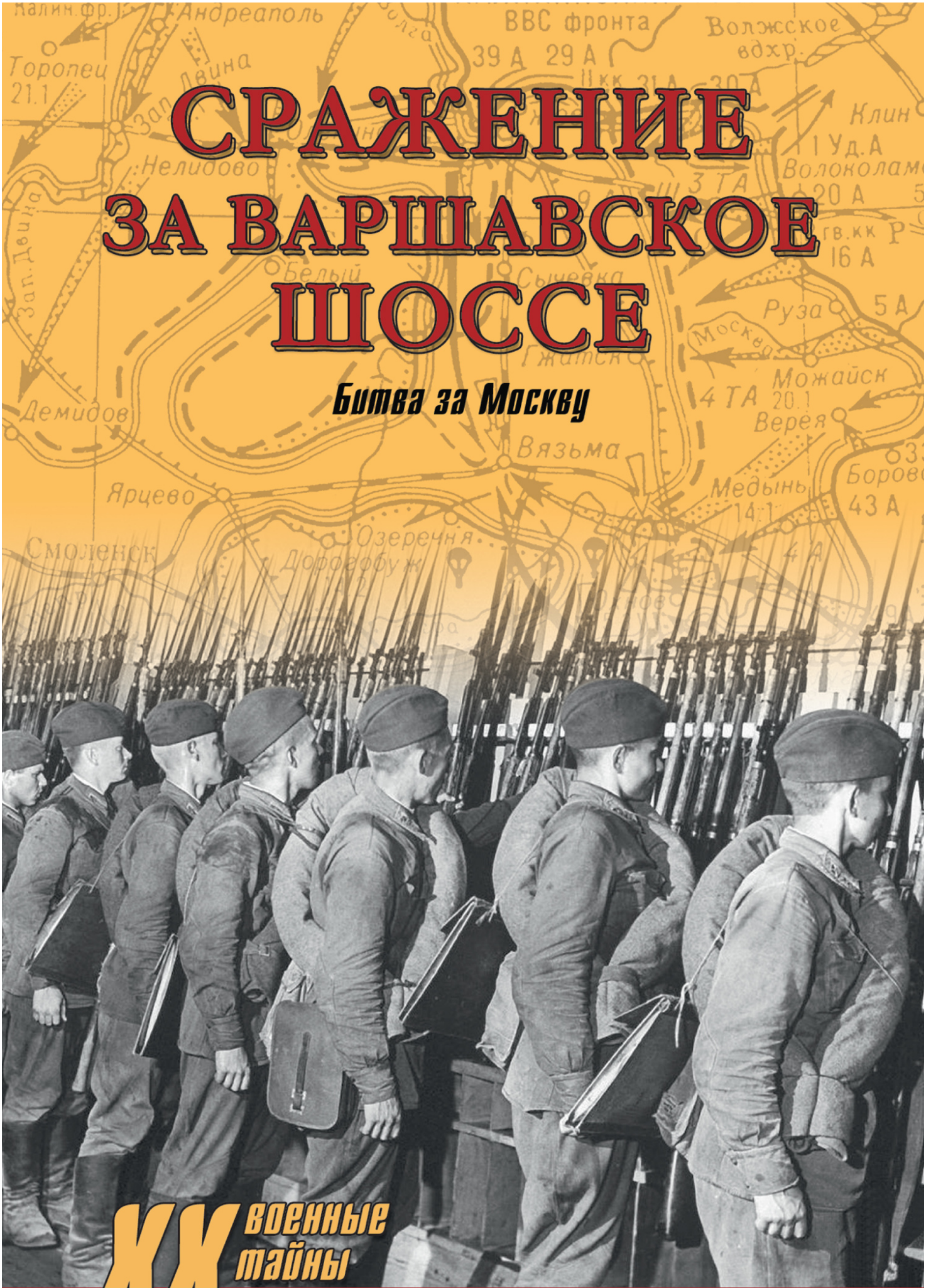
СРАЖЕНИЕ ЗА ВАРШАВСКОЕ ШОССЕ

Битва за Москву



ХХ военные тайны века

С.Е. МИХЕЕНКОВ

Военные тайны XX века

Сергей Михеенков

Сражение за Варшавское шоссе. Битва за Москву

«ВЕЧЕ»

2019

Михеенков С. Е.

Сражение за Варшавское шоссе. Битва за Москву /
С. Е. Михеенков — «ВЕЧЕ», 2019 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4484-7988-5

В истории Великой Отечественной войны битва за Москву имеет особое значение: именно на подступах к столице нашей Родины были остановлены немецкие войска. Книга С.Е. Михеенкова рассказывает об одном из этапов сражения – ожесточенных боях под Москвой, в районе Варшавского шоссе. В центре внимания автора сражения у Рославля, Медыни, Малоярославца и Угодского Завода и подвиг курсантов подольских училищ. В основу книги положены архивные документы, воспоминания участников боев и сведения краеведов и поисковиков.

ISBN 978-5-4484-7988-5

© Михеенков С. Е., 2019
© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Предисловие автора 6
Под Ельней и Рославлем 7
За час до рассвета 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Сергей Егорович Михеенков Сражение за Варшавское шоссе. Битва за Москву

© Михеенков С.Е., 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Предисловие автора

Читатель найдёт в этой книге много нового, ранее неизвестного, закрытого в архивах и попросту забытого.

43-й армии Западного фронта судьба послала участь оказаться на пути правого крыла ударной группировки «Тайфун», которая через неделю сомкнула кольцо окружения вокруг советских войск в районе Вязьмы. Армия была разбита за несколько дней. Она имела перед собой противника, который превосходил её дивизии и полки кратно. Но разбитые части отходили по Варшавскому шоссе на восток, к Юхнову, к Медыни, к Угодскому Заводу, к Подольску. Там, на реках Протве и Наре, на крошечной Пыпрейке у села Ильинского, проведя перегруппировку и пополнившись, встали намертво и сделали то, что не смогли сдалать под Рославлем на Десне и Снопоти – остановили немецкие танки, заставили противника окапываться и обороняться. А потом по Варшавскому шоссе армия пошла в наступление.

Варшавское шоссе для вермахта было наикратчайшей дорогой на Москву. Вдоль магистрали наступала самая мощная немецкая армия – 4-я полевая.

Так случилось, что родина командующего войсками Западного фронта генерала армии Г.К. Жукова – деревня Стрелковка – оказалась вблизи Варшавского шоссе. Здесь, по реке Протве, проходила оборона левого крыла 43-й армии. Планируя оборонительные операции, а затем декабрьское наступление, Жуков освобождал и свою родину.

В этой книге прослеживаются судьбы многих командиров и рядовых солдат. Сложились они по-разному. Кто-то, отличившись в бою, стал героем. Кто-то, попав в плен, в мрачной колонне обречённых на бесконечные страдания был угнан на запад. Пленных гнали по Варшавскому шоссе. Тех, кто не мог идти, добивали выстрелом в затылок или штыком. Вот ещё почему в народе этот тракт называли «дорогой смерти».

Во время работы над книгой удалось раздобыть ранее неизвестные документы. Ведь архивы только-только открываются. Старался публиковать их целиком. Читатель сам разберётся, что к чему.

Варшавское шоссе для 43-й армии было дорогой ужаса и надежд, бега и наступления, поражений и побед. Для нас, сыновей и внуков победителей, эта дорога стала дорогой памяти и доблести наших отцов и дедов.

Крапивна, Кузьминичи, Новоалександровский, Зайцева Гора, Барсуки, Юхнов, Воронки, Мятлево, река Шаня, Медынь, Ильинское, Малоярославец, Белоусово, Стремилово, река Нара и – назад.

г. Таруса

Под Ельней и Рославлем

«Милые гражданочки! Не копайте ямочки! Придут наши таночки и зароют ваши ямочки!»

Что происходило на Варшавском шоссе в районе Рославля и Спас-Деменска до начала «Тайфуна». Сосредоточение 43-й армии. Исходные районы. Из рассекреченной папки. Что немцы писали в листовках. Направление удара – Ельня, Рославль, Хиславичи, Шумячи. Замысел Ельнинско-Рославльской операции. Из дневника фон Бока. Рождение советской гвардии. Неудачи 43-й армии. Гибель 109-й танковой дивизии западнее Десны. Ельнинско-Рославльская операция: что же было на самом деле? Жуков на НП 211-й стрелковой дивизии. Как выходили из окружения. Первое отделение сержанта Никанорова

Под Рославлем на Десне и Снопоти немецкие войска кромсали советские дивизии первого эшелона, прорывали там и тут боевые порядки войск Западного фронта и, выхлестнувшись всей своей ударной мощью на оперативный простор, двумя стремительными потоками начали охватывать Вязьму и прилегающие районы, где сгрудились, не выдержав сверхмощной атаки, почти все наши армии Западного и Резервного фронтов, прикрывавшие Московское направление. Так началась операция «Тайфун», в ходе которой германский Рейх рассчитывал не только захватить Москву, столицу СССР и средоточие её духа и мощи, но и уничтожить Красную армию, а значит, одержать окончательную победу в войне на Восточном фронте.

Операция «Тайфун» должна была поставить точку в блицкриге. По существу, это был второй этап молниеносной войны германской армии на Русском фронте. Вынужденный этап. Потому что по плану «Барбаросса» Москву, Киев и Ленинград немцы должны были захватить к концу лета без всякой оперативной паузы. Гитлер просчитался. Но на этот раз он был уверен в успехе самой сильной своей группировки и приказал овладеть Москвой до наступления холодов.

Что же происходило на центральном участке фронта в конце лета, когда, согласно первоначальному плану, немецкие танки должны уже были крошить брусчатку московских площадей? А конкретно что происходило в канун «Тайфуна» на фронте обороны 43-й армии? Она, 43-я общевойсковая, станет главным героем этой нашей книги. Дело в том, что до сих пор бытует мнение, будто бы остановка германской армии на Десне была этакой продолжительной оперативной паузой, периодом накопления сил и перегруппировок, почти отдыхом для Красной армии и вермахта. А между тем стояние на Десне в истории Великой Отечественной войны на самом деле было временем непрерывных, упорных боёв, когда обе стороны, пробуя силы и прочность друг друга, беспрестанно атаковали и контратаковали, словно пытаясь определить, кто же в ближайшие дни пойдёт в решительное наступление. Ударную мощь накопили и те и другие. Штабы делали своё дело. Солдаты сидели в окопах и ждали приказа.

После первого Ельнинского сражения, которое закончилось неудачей для Красной армии, а точнее, для 24-й армии Резервного фронта, наши войска отошли, заняли новый оборонительный рубеж и приступили к перегруппировке для нового наступления.

43-я армия Резервного, или, как его ещё называли, Московского фронта имела позиции в районе восточнее, юго-восточнее и северо-восточнее Рославля справа и слева от Варшавского шоссе. Фронтом командовал генерал армии Г.К. Жуков. В первом эшелоне фронта, кроме 43-

й, стояла 24-я армия. Она занимала участок фронта правее и закрывала Ельнинское направление. 24-й армией командовал генерал-майор К.И. Ракутин.

24-я армия была более мощной. В период наступления на Ельню она имела следующий состав: 19, 100, 106, 107, 120, 303 и 309-я стрелковые дивизии, 6-я стрелковая дивизия народного ополчения, 103-я моторизованная дивизия, 102-я и 105-я танковые дивизии, 10 корпусных артполков, полков РГК и ПТО – всего 800 орудий и миномётов, в том числе установок залпового огня, прозванных фронтовиками «катюшами». Общие силы армии оценивались в 60 000 человек.

43-я армия, которой в тот короткий период командовал генерал-майор Д.М. Селезнёв, имела более скромный состав: 53, 149, 211 и 222-я стрелковые, 104-я и 109-я танковые дивизии, 6 корпусных артполков, полков РГК и ПТО.

Что же происходило на фронте и в ближайшем тылу 43-й армии в августе-сентябре 1941 года?

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта:

«43 А. Войска армии в течение ночи и дня 8.8.41. производили частичную перегруппировку и продолжали сосредоточение в свои районы.

303 сд, выполняя распоряжение ком. фронта, в 3.00 выступила из района сосредоточения ОБОЛОВКА, ЛАТЫШИ в район ШУЙ для занятия оборонительного рубежа по вост. берегу р. ШУЙЦА. Сведений о выходе дивизии на этот рубеж не поступало.

211 сд прибыла полностью и сосредоточилась в районе М. САВКИ, БАРСУКИ, ПОКРОВСКАЯ (7 км южнее КИРОВ).

279 сд. К 15.00 прибыли все части дивизии, за исключением одного сп и одного б-на другого сп; прибывшие части сосредоточились в лесах западн. и юго-западн. ЛЮДИНОВО.

222 сд в составе двух сборных б-нов и б-на НКВД к 6.00 8.8.41. отошла за главный рубеж обороны и сосредоточилась в районе ЦЕРКОВЩИНА, ЛОСЕВО, НИКОЛЬСКОЕ. В течение дня продолжался сбор отдельных групп и подразделений, отошедших через главную полосу обороны, где приводились в порядок.

Группа КАЧАЛОВА – остатки 145, 149 сд и один сп 46 сд общей численностью до 5000 человек выходили из окружения и сосредотачивались в районе УСОХИ, ст. БЕТЛИЦА, ДУБРОВКА, где приводятся в порядок. Штаб группы, за исключением ЕГОРОВА и Командующего, полностью вышел из окружения и проводит работу по уточнению боевого состава отошедших частей.

В положении остальных частей изменений нет.

Начальник штаба фронта генерал-майор ЛЯПИН»[1].

Из разведсводки № 15 к 22.00 8.8.41:

«ВЫВОДЫ К РАЗВЕДСВОДКЕ: 1. Противник продолжает оказывать сопротивление нашим частям на всём фронте, особенно упорное сопротивление оказывается им в районе ЕЛЬНЯ, куда сосредотачиваются новые мотомехчасти. 2. На Рославльском направлении противник временно прекратил развитие своего успеха в восточном направлении, подтягивает отставшие части и тылы, производя одновременно усиленные разведывательные поиски в восточном направлении и особенно в южном и юго-восточном направлениях (на МГЛИН, БРЯНСК).

Можно ожидать возобновления наступательных действий противника на этом участке на восток или юго-восток.

Наштафронта генерал-майор ЛЯПИН»[2].

---

[1] ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 29. Л. 212–214.

[2] Там же. Д. 46. Л. 212.

Из разведсводки № 030 штаба ВВС Резервного фронта к 24.00 8.8.41:

«СТОЛБОВО.

Карта 500 000 изд. 39 г.

1. ВВС Резервного фронта в течение дня 8.8.41 прикрывали свои наземные войска, взаимодействовали с ударной группировкой 24 Армии, действовали по аэродромам и вели разведку подходящих резервов противника.

2. 12 САД в течение дня 8.8.41 действовала по мотомехчастям противника в районе ЕЛЬНЯ, РОСЛАВЛЬ, прикрывала СБ 46 РАЭ в полёте и выгрузку наземных войск в районе ст. ГОДУНОВКА. С 15.00 и до 21.00 всего произведено 32 самолёто-вылета МИГ-3 122 ИАП, 2 самолёто-вылета Пе-2 411 ББП и 7 самолёто-вылетов СБ 46 РАЭ.

Потерь части дивизии не имели.

В воздушном бою 1 Пе-2 сбил в районе РОСЛАВЛЬ 1 МЕ-109. 3. 38 ИАД в течение 8.8.41 прикрывала выгрузку и сосредоточение наземных войск в р-не ст. СУХИНИЧИ, ст. ЗАНОЗНАЯ, КИРОВ, вела разведку в р-не ЕЛЬНЯ и борьбу с авиацией противника в воздухе.

Всего произведено 32 самолёто-вылета.

Вылетевшие в 20.40 для отражения самолётов противника в р-не СУХИНИЧИ 2 И-16 встреч с противником не имели и из-за потери ориентировки произвели вынужденную посадку вне аэродрома, поломав самолёты и причинив ранения лётчикам»[3].

По всей вероятности, истребители И-16 38-й истребительной авиадивизии не имели радиопередающих устройств для связи с базой и между собой. Потеря ориентировки в таких случаях была делом обычным. Более опытные пилоты ориентировались относительно дорог, рек, населённых пунктов.

Самолёты взлетали с полевых аэродромов Староселье, Знаменка, Жиздра, Наумово (12 км северо-восточнее Спас-Деменск), Жилино, Козельск и военного аэродрома Шайковка[4].

Из оперативной сводки № 16 штаба артиллерии Резервного фронта:

«К 20.00 8.8.41 г.

г. ГЖАТСК.

Карта 100 000 и 500 000.

Первое: Артиллерия Резервного фронта производит частичную перегруппировку в соответствии с приказом фронту № 0021/ОП, готовясь к уничтожению ЕЛЬНИНСКОЙ и РОСЛАВЛЬСКОЙ группировок противника.

43 А. (…)

В состав армии прибыл 109 ап (109 тд), имеющий на вооружении 12 122-мм гаубиц обр. 1910/30 г.; 12 152-мм гаубиц обр. 1909/30 г. Полк сосредоточен 2 км западнее МАЙ. В дивизии недостаёт 4 37-мм зен. пушки и 12 45-мм пушек ПТО.

(…) 645 КАП (без одного дивизиона) занял боевой порядок в районе ЛЕСНИКИ юго-западнее 2 км Б. ПОЛПИНО. 1/645 кап с утра 2.8.41 вёл бой в районе ХОРОШОВКА юго-западнее РОСЛАВЛЬ совместно с ГАП 222 сд, входя в состав группы ПП 787. Не использовав всех возможностей обороны и не приняв мер к выводу мат. части из боя, личный состав дивизиона во главе с комсоставом и командиром дивизиона бежал, бросив матчасть и ОП. У противника осталось 12 152-мм гаубиц обр. 1937 г., 21 трактор и около 15 автомашин.

---

[3] ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 46. Л. 222–224.

[4] Шайковка как военный аэродром действует поныне. В Шайковке базируется отдельный дальнебомбардировочный полк ВВС России. Во время оккупации здесь базировались немецкие самолёты. Затем снова наши.

К 16.00 4.8.41. прибыла часть красноармейцев в количестве 60 чел. и 15 чел. комсостава во главе с командиром дивизиона. Сбор людей первого дивизиона продолжается. Производится расследование причин потери мат. части.

Нач. штаба артиллерии Резервного фронта

генерал-майор МАЛЯРОВ»[5].

Далее привожу документы, относящиеся непосредственно к кануну атаки 30 августа 1941 года.

Из оперативной сводки штаба Резервного фронта:

«(…)

43 А.

Войска армии занимают прежний оборонительный рубеж.

53 сд – 21.00 по 23.00 24.8.41 пр-к вёл сильный артиллерийский и миномётный огонь из р-на х-ра ТРОЯНОВСКИЕ по КУКУЕВКА.

Части дивизии закончили частичную перегруппировку, вызванную сокращением фронта дивизии.

Положение остальных частей и соединений армии – без изменений.

109 тд с 6.00 22.8.41 сосредоточилась в районе МУЖИКОВО, БЫКОВО, ТРАШКОВИЧИ»[6].

К проведению предстоящей наступательной операции на Ельню и Рославль готовились основательно. К фронту гнали технику и тяжёлое вооружение. Подходили новые дивизии. Полки, понёсшие в августовских боях большие потери, пополнялись маршевыми ротами и батальонами. Боевые порядки уплотнялись.

Кроме войск, которые постоянно продолжали подходить и подходить к фронту, в ближайшем тылу работали тысячи добровольцев на сооружении заградительных линий и запасных рубежей обороны. Студенты, рабочие и служащие из Калуги и десятков подмосковных городов каждый день с утра до вечера копали противотанковые рвы. Остатки этих грандиозных и, как показали события начала октября, почти бесполезных сооружений до сих пор можно встретить близ деревень Воронцово, Жерелёва, Кузьминичей, Михайловского и других, ныне входящих в состав Куйбышевского района Калужской области. А тогда, в августе-сентябре 41-го, советские люди с энтузиазмом и надеждой на то, что именно их работа остановит врага, работали на сооружении противотанковых рвов и заграждений. Над рвами иногда проносились немецкие разведывательные самолёты и бросали листовки следующего содержания: «Милые гражданочки! Не копайте ямочки! Придут наши таночки и зароют ваши ямочки!» Видимо, учитывая, что рвы копали в основном женщины, иногда в листовках писали откровенную похабщину. Были и более откровенные: «Не сушите сухари, не месите тесто. Девятого октября не найдёте места!» Всё началось раньше, но об этом в следующей главе. При всей трудоёмкости работ, притом что невозможно было угадать заранее, куда, по какой дороге пойдут немцы, на некоторых участках обороны именно глубокие противотанковые рвы существенно помогали нашим частям удерживать оборону и эффективно уничтожать немецкую технику, которая вынуждена была маневрировать между рвами и двигаться по узким, заранее пристрелянным участкам.

Некоторые историки и публицисты склонны расценивать бои на Ельнинском и Рославльском направлениях периода августа-сентября 1941 года как крайне неудачные и бессмысленные. По их мнению, операции этого периода здесь, под Рославлем, а также севернее, в районе

[5] ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 46. Л. 224–227.

[6] ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 7.

Ярцева и южнее, под Брянском, лишь истощали силы Красной армии, сжигали в огне почти непрерывных боёв целые полки и дивизии.

Но если рассматривать проблему, положенную в основу этой идеи шире, глубже и масштабнее, то открывается совершенно противоположная картина. Битва за Москву началась именно здесь, на смоленской земле (ныне это районы Смоленской, Калужской, Брянской и Орловской областей). Здесь вынуждены были остановиться моторизованные и армейские корпуса, танковые группы и их тылы основной немецкой группировки, действующей на Восточном фронте. Остановиться, чтобы привести себя в порядок. Потери немцев были огромны. Именно в это время в германских войсках на Восточном фронте появилась поговорка: «Лучше три французские кампании, чем одна русская». Из книги английского историка Роберта Кершоу «1941 год глазами немцев», написанной на основе писем и дневников немецких солдат, воевавших в России: «Фриц Кёлер, 20-летний ветеран кампании во Франции, входил в Рославль, расположенный в 100 км юго-восточнее Смоленска, 3 августа 1941 года. Незадолго до этого их подразделение провело удачную атаку. Но русским всё-таки удалось уничтожить запасы горючего и продовольствия. «К сожалению, – записал он в тот вечер в дневнике, – в этом городе «освобождать» уже нечего». Созерцая превращённый в руины догоравший город, он заключил: «Да, во Франции было куда лучше».

На линии Рославль – Ельня и далее на север немцам пришлось остановиться. Не хватало боеприпасов, продовольствия. Отставали тылы. Растянувшиеся коммуникации стали причиной многих неувязок. Танки выработали свой моторесурс. Требовалась замена масла, моторов, траков и укомплектование экипажей. Берёзовыми крестами над могилами танкистов, пехотинцев, артиллеристов и пилотов люфтваффе были выбелены целые поляны от Бреста до Смоленска и дальше на восток.

Потери группы армий «Центр» до начала операции «Тайфун» составили 219 114 человек. За это время получено пополнение около 151 000 человек. Таким образом, потери так и не были восполнены. А в целом вермахт к концу августа потерял на Русском фронте 410 000 человек, из них 107 000 безвозвратно. Это значительно больше, чем во всех предыдущих кампаниях в Европе и Африке, вместе взятых, с начала Второй мировой войны. Некомплект немецких дивизий существовал и в двух других группах армий, действовавших в России. И он с каждым сражением, с каждым боем и с каждой стычкой увеличивался. Потери вооружения и техники тоже оказались огромными. За месяц боёв в районе Смоленска, Ярцева, Рославля и Ельни немецкие танковые подразделения потеряли более 50 % танков и бронетехники.

Это к вопросу о том, как наша армия отступала. Бежала или дралась. Как свидетельствуют факты, и бежала, и упорно дралась, нанося противнику невосполнимый урон в живой силе и вооружении.

Началась война на истощение. Германский Рейх уже тогда, в конце первого лета, не смог справиться с обеспечением своей восточной армии. Не хватало буквально всего. Транспорта, оружия, боеприпасов, продовольствия, а главное, иссякал людской ресурс. Не помогло и то, что автопарк для дивизий был собран со всей Европы. По дорогам на восток тягачи и конные запряжки тащили французские гаубицы, бельгийские пушки. Солдаты элитных дивизий и полков имели в качестве личного оружия чешские карабины, а офицеры итальянские и польские пистолеты. Всё это требовало такого же многообразия боеприпасов и запчастей. Коммуникации с каждым днём растягиваются. Погода портится. А дороги в России и без дождя хороши…

Известно, что заветной мечтой командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Фёдора фон Бока было разгромить Красную армию на подступах к Москве, навязав ей серию сражений на уничтожение, а затем триумфатором войти в Москву. Фельдмаршал, как и большинство германских офицеров, понимал, что затяжной войны, сопряжённой с дальним походом, вермахт не выдержит. В своём дневнике он часто сетует на отвратительные дороги, на ужасный климат. Да, дороги в Росси были не такими ровными и основательными, как во Фран-

ции, и вдоль шоссе не было бензоколонок, где могли бы заправляться танки и бронетранспортёры. Остановка на линии Рославля была вынужденной. Потому что дальше фон Бок вести свои измотанные корпуса и дивизии, израсходовавшие основную ударную силу в июньских-августовских боях, не осмеливался. 2 сентября 1941 года он сдержанно, как всегда, умалчивая о главном, что его беспокоило, размышлял в своём дневнике: «…центр моей группы армий настолько растянут и ослаблен оборонительными сражениями, что наступать своими силами более не в состоянии. «Интермеццо», как генерал Йодль из Верховного командования сухопутных сил окрестил поворот моего правого крыла к югу, может стоить нам победы. Наступление в восточном направлении не начнётся ранее последней трети сентября – и это при самом благоприятном развитии событий! До этого времени необходимо копить и сохранять силы, так как за последний месяц к фронту группы армий «Центр» были направлены из тылов только две дивизии: 183-я дивизия (Диппольд) и испанская дивизия. Вопрос о сдаче ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью».

Немецкие солдаты и офицеры, погибшие под Ельней, Ярцевом, Рославлем и Дорогобужем, уже не были частью войск, участвовавших в операции «Тайфун». Потери в частях были, конечно же, восполнены. Но, во-первых, не полностью, некоторые подразделения пошли вперёд, имея значительный некомплект; во-вторых, на смену ветеранам, прошедшим Польшу, Францию, Грецию, Норвегию и летние бои в России, пришли резервисты, необстрелянная молодёжь 1922 года рождения и рабочие военных заводов. Гитлер уже тогда, на исходе лета 1941 года, согласно известной русской поговорке, латал тришкин кафтан.

Но фон Клюге был полон решимости. В его руках оказались важнейшие коммуникации, а под рукой самая мощная войсковая группировка. Одним из главнейших направлений штабы по-прежнему намечали ось Варшавского шоссе.

Из оперативной сводки штаба Западного фронта от 26.8.41:

«43 А.

Войска армии продолжали оборонительные работы, одновременно вели разведку и перегруппировку на своём левом фланге.

222 сд, продолжая укрепляться, вела боевую разведку в направлениях: СОЛОВЬЁВКА, ЕЛЕНЕВ ХОЛМ, ПОГУЛЯЕВКА, АЛЁШИНЦЫ.

По документам убитого лейтенанта в БЕРЁЗОВКА показывается 62 пп 7 тд. (Этот лейтенант, убитый в Берёзовке, уже не пойдёт к Москве вдоль Варшавского шоссе в начале октября 1941 года. – ***С.М.***)

Потери дивизии за 25 и 26.8.41: убитых – 2; раненых – 8; пропавших без вести – 3.

53 сд – без изменений. Перед фронтом дивизии действия противника ограничивались ведением миномётного и артиллерийского огня и ведением разведки одиночными самолётами.

145 сд с 17.00 26.8.41 сосредоточилась в районе ЗИМНИЦЫ, СТУДЕНЕЦ, МОКРОЕ.

104 сд к 16.00 26.8.41 сосредоточилась в районе ЗЛОВОДСКОЕ, ЛУЖНИЦА, ЗИМНИЦА»[7].

В ночь с 29 на 30 августа 1941 года войска 43-й армии заняли исходные позиции в районах сосредоточения. Артподготовка началась в 5.00 30 августа. В 6.15 пехота и танки пошли вперёд. На некоторых участках противник оказал яростное сопротивление, и наши части продвигались вперёд медленно и с большими потерями. Зато на других сопротивление сразу же было сломлено, наступающие начали развивать успех. Немцы поспешно отходили, применяя свой излюбленный метод гибкой обороны, который в последующие годы доведут до совершенства.

[7] ЦАМО. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 13.

Авиация обеих сторон из-за низкой облачности и тумана не действовала, что оказалось на руку немцам. Основные силы люфтваффе группы армий «Центр» в это время действовали южнее, на направлении 2-й танковой группы Гудериана, которая своими передовыми подразделениями уже вышла на линию Борзна – Бахмач – Конотоп и угрожала отсечением киевской группировке советских войск. Наша авиация получила в небе временное превосходство и действовала все предыдущие дни исключительно успешно. Но непогода заперла самолёты Резервного и Западного фронтов на аэродромах.

Силы противника, в это время противостоящие двум армиям Резервного фронта, состояли из следующих частей и подразделений. Вдоль Варшавского шоссе наступала 4-я полевая армия, которой командовал фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. Непосредственно перед войсками первого эшелона Резервного фронта стояли 20-й армейский корпус генерала Фридриха Матерны в составе: 78, 292, 268 и 7-й пехотных дивизий. Всего около 70 000 солдат и офицеров. 500 орудий и миномётов. Около 40 танков. Севернее ельнинского выступа фронт держал 9-й армейский корпус генерала Гейера: 15-я, 137-я и 263-я пехотные дивизии. Южнее, на Рославльском направлении действовал 7-й армейский корпус генерала Фармбахера: 267-я, 23-я и 197-я пехотные дивизии. Во втором эшелоне за ельнинским выступом располагались немецкие резервы: 10-я танковая и 252-я пехотная дивизии. Последняя формально принадлежа 53-му армейскому корпусу, продвигалась по оси Варшавского шоссе и таким образом усиливала эту группировку.

Итак, немецкая группировка на Рославльском направлении значительно превосходила силы 43-й армии. Севернее, в районе ельнинского выступа немцы превосходили 24-ю армию незначительно, а по артиллерии и артиллерийским установкам даже уступали нашим войскам.

Замысел Ельнинской наступательной операции (30 августа – 3 сентября) имел целью следующее: встречными ударами 24-й армии подсечь основание ельнинского выступа, окружить немецкую группировку, рассечь её и уничтожить по частям; одновременно 43-й армии предстояло наступать на Рославльском направлении; тем временем южнее Рославля и Варшавского шоссе левофланговые дивизии 43-й и три армии Брянского фронта – 50-я, 3-я и 13-я – осуществляли Рославльско-Новозыбковскую операцию (30 августа – 12 сентября).

В значительно урезанной истории Великой Отечественной войны отражена лишь успешная часть этой операции, получившая наименование Ельнинской. На самом деле в августе – сентябре 1941 года Ставка планировала проведение крупномасштабной наступательной операции войск Западного, Резервного и Брянского фронтов на Ельнинском, Рославльском и Стародубском направлениях против южного крыла группы армий «Центр» с целью недопущения окружения войск Юго-Западного фронта под Киевом. Операция, выродившись в серию несогласованных частных ударов, в целом успеха не имела. Причин оказалось много. Нехватка средств, танков, самолётов. Несогласованность действий родов войск. Слабое управление. Искали причины неудач и среди командиров. И нашли. Был отстранён от должности командующего 43-й армией и арестован генерал-майор Селезнёв. Подробнее к судьбе этого генерала мы ещё вернёмся.

С самого начала в этой операции всё пошло не так, как планировали. Под Ельней и Рославлем первоначальный удар был сильным. 24-я армия начала теснить противника. Хотя первые дни боёв значительного успеха не принесли. Ударные группы имели продвижение всего лишь до 1 км в сутки. Немцы яростно контратаковали, в том числе с танками, стремясь во что бы то ни стало удержать горловину ельнинского выступа. 3 сентября наши войска после короткой перегруппировки снова нажали, и к вечеру перемычка ельнинского мешка сузилась до 6–8 км. Опасаясь полного окружения, немецкое командование приняло решение об отводе войск из ельнинского мешка.

В дневнике фон Бока запись за 31 августа 1941 года поразительно спокойная и лаконичная: «4-я армия совместно с 10-й танковой дивизией начали контратаковать противника

в точке его максимального внедрения в нашу оборону. Русские возобновили атаки в районе ельнинского выступа». В записи от 1 сентября 1941 года уже чувствуется некоторая озабоченность: «…далее к северу, особенно в районе ельнинского выступа, его атаки становятся всё более мощными и настойчивыми. Пленные утверждают, что эти атаки проводятся по личному указанию Сталина». Запись 3 сентября 1941 года: «Процесс спрямления ельнинского выступа вряд ли позволит нам высвободить хотя бы один полк ранее 6 сентября. Первые эшелоны 183-й дивизии, которую я вытребовал из-под Невеля, подойдут к Смоленску в это же примерно время. Таким образом, 162-я дивизия вряд ли сможет перейти в распоряжение 9-й армии до 6 сентября. На южном крыле 4-й армии противник, поддержанный танками, прорвал чрезмерно растянутый фронт 34-й дивизии (Бехлендорф) и вклинился в её оборону на значительную глубину. Я передал единственный свой резерв, 52-ю дивизию (Рендулич), в распоряжение армии при условии задействовать её, если это действительно необходимо». Запись 4 сентября 1941 года: «Сегодня противник снова атаковал на южном крыле 4-й армии. В районе ельнинского выступа шли бои местного значения». 7 сентября 1941 года фон Бок делает в своём дневнике весьма любопытную запись, касающуюся назревающих событий начала октября: «Согласно директиве фюрера, моё давнее желание атаковать главные силы русских должно осуществиться во вполне обозримом будущем. Главное, чтобы не подвела погода, так как необходимые подкрепления раньше конца сентября к нам не подойдут! В целом ситуация благоприятствует началу наступления, но простой её не назовёшь, так как на северном крыле обстановка продолжает оставаться напряжённой».

Фон Бока больше беспокоил не ельнинский выступ, а положение на фронте 34-й пехотной и 10-й танковой дивизий. Последняя в эти дни составляла его резерв, который он вынужден был бросить в бой, чтобы остановить внезапную и довольно мощную атаку войск генерала Жукова. Хотя, возможно, хитрый тактик фон Бок ввёл в дело все свои резервы, только чтобы не посылать подкрепление генералу Гудериану, который в это время гнал свою 2-ю танковую группу на юг, чтобы сомкнуть кольцо окружения вокруг киевской группировки советских войск. Личные и служебные отношения фон Бока и Гудериана вконец испортились. Гудериан, окрылённый успехами своих подвижных корпусов в период летних боёв в России, всё больше выходил из подчинения, считая себя и свою группу главными действующими лицами группы армий «Центр». Он и теперь требовал всё новых и новых сил, чтобы как можно скорее и успешнее завершить свой рейд на юг и в очередной раз отличиться. Фон Бок же считал эту операцию безрассудством, лишней тратой сил, боеприпасов и людских ресурсов, а самое главное – времени, и это могло стоить германским войскам той желанной и скорой победы, о которой в вермахте грезили все от солдата до фельдмаршала.

Лето кончалось, а Москва всё ещё оставалась дальней целью, несбывшейся мечтой фельдмаршала. А тут ещё атаки русских, которые вводят в бой всё новые и новые дивизии…

В эти же дни начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) генерал-полковник Франц Гальдер в своём дневнике сделал следующую запись: «**1 сентября 1941 года, 72-й день войны**. ***Группа армий «Центр»***: Противник явно пытается организовать оборону на рубеже Десны и удержать этот участок. Сильные атаки наших позиций на дуге фронта у Ельни, по-видимому, связаны с предполагаемым генеральным наступлением противника на этом участке фронта». **«5 сентября 1941 года, 76-й день войны.** ***Группа армий «Центр».*** (…) Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник ещё долгое время, после того как наши части уже были выведены, вёл огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования».

Немцев ещё так не трепали, как под Ельней в августе – сентябре 1941 года. Начальнику Генерального штаба ничего другого не остаётся, как изображать хорошую мину при явно плохой игре. Какое же это ***неплохое достижение***, если уже разработана директива и подписана

Гитлером о последнем и решающем наступлении года, после успешного завершения которого солдатам вермахта, уставшим от тягот и ужасов Русского фронта, обещали возвращение на родину? Ельнинский выступ – наивыгоднейший плацдарм для броска на Москву. Простому фронтовому фельдфебелю, взгляни он на карту с очертаниями ельнинской дуги, ясно, что лучшего трамплина, пронизанного коммуникациями с востока на запад, для прыжка на Москву и желать невозможно. Однако штабной генерал постарался утопить досаду за поражение своих войск в пространных фразах, абсолютно несвойственных общему стилю дневника.

Русскими войсками в центре в тот период командовал тогда ещё не особенно оценённый немецким Генштабом в качестве своего противника генерал армии Жуков. Он ещё покажет себя, и очень скоро.

24-я армия генерала Ракутина блестяще выполнила свою задачу – опасный ельнинский выступ был срезан, 5 сентября дивизии этой армии ворвались в Ельню. На следующий день город полностью очистили от неприятеля.

Итогом операции стала, как уже было сказано, ликвидация выступа, угрожавшего Вяземской группировке наших войск и в целом Московскому направлению. По сути дела, это была первая крупная операция уровня фронтовой, завершившаяся успешно. Первая победа. Она и обставлена была соответственно: сообщения в газетах, по радио, награды и внеочередные звания победителям. Здесь же, в ознаменование этой победы, произошло нечто, что, смело можно сказать, повлияло на судьбу всей войны – родилась советская гвардия, во многом ставшая продолжателем гвардейских традиций Русской армии. 18 сентября 1941 года приказом наркома обороны СССР ряду дивизий присвоено звание гвардейских: 100-й стрелковой – 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 127-й стрелковой – 2-я гвардейская стрелковая дивизия. Спустя неделю гвардейские звания получили 107-я стрелковая и 120-я стрелковая; соответственно – 5-я гвардейская стрелковая и 6-я гвардейская стрелковая дивизии.

5-я вскоре окажется в Калуге. Заняв оборону вокруг города, примет бой с двумя немецкими дивизиями, усиленными танками, авиацией и артиллерией. Вырвется из окружения и выйдет к Тарусе, а затем займёт глухую оборону на Протве под Серпуховом и до середины декабря будет упорно стоять на своём рубеже. В ходе Московского наступления в составе войск 49-й армии генерала Ивана Григорьевича Захаркина пойдёт вперёд, освободит сотни деревень и городов, в том числе Тарусу, Полотняный Завод, Юхнов (все на территории нынешней Калужской области. – ***С.М.***) и весной 1942 года после упорных позиционных боёв на реке Угре снова вернётся в состав 43-й армии Западного фронта. Фронтом будет командовать генерал армии Жуков. 5-й гвардейской будет отдан приказ захватить плацдарм на западном берегу реки Угры, чтобы встретить на нём прорывающуюся из окружения Западную группировку 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. Но об этом в последующих главах. Войну дивизия закончит под Кенигсбергом и к тому времени будет иметь наименование – Городокская, ордена Ленина, Краснознамённая, ордена Суворова гвардейская стрелковая.

Действия 43-й армии в операции Резервного фронта оказались менее успешными. 30 августа, в первый день наступления, 109-я танковая дивизия полковника Семёна Панкратьевича Чернобая успешным ударом прорвала оборону немецкой 23-й пехотной дивизии, продвинулась вперёд на 12 километров, вышла к Костырям и перехватила шоссе Рославль – Ельня. Однако немцы отреагировали мгновенно. В ночь на 31 августа под Костыри были спешно переброшены части 267-й пехотной и 10-й танковой дивизий. 267-я только что прибыла в Рославль с южного крыла группы армий «Центр». 10-я составляла резерв фон Бока. «Клюге описал это вклинение как прорыв на глубину до 10 километров, – записал в своём дневнике фон Бок 30 августа, – и потребовал для ликвидации прорыва передать в его распоряжение 267-ю (пехотную) дивизию и несколько батальонов 10-й танковой дивизии. Я передал ему то, что он требовал, чтобы побыстрее разделаться с этой проблемой».

Фон Бок словно ждал наступления русских у Рославля и Ельни: уж лучше изматывать дивизии Красной армии здесь, где в ближайшем будущем придётся прорывать фронт, чем отдавать свои части для того, чтобы они сгинули на Украине, в зоне действия группы армий «Юг».

Итак, на рассвете 31 августа немецкая резервная группировка, переброшенная на угрожаемый участок, нанесла контрудар по оголённым флангам прорвавшейся 109-й танковой дивизии 43-й армии. Порядки дивизии были смяты, управление нарушилось и через несколько часов полностью потеряно. В районе Богданова танки 10-й тд и части 267-й пехотной дивизии соединились, отрезав пути отхода 109-й дивизии назад. 109-я танковая дивизия полковника Чернобая оказалась в окружении. Попытки прорыва, в которых участвовало до 40 танков, успеха не имели. Немцы энергично сдавливали кольцо, непрерывно рассекая его ударами в различных направлениях. Бои в кольце продолжались до 5 сентября. Дивизия была полностью уничтожена и как боевая единица перестала существовать. Многие бойцы и командиры попали в плен и пополнили рославльский концлагерь, один из самых огромных и жутких, созданных немцами на оккупированной территории СССР.

109-я танковая дивизия была полностью укомплектованным боевым соединением. Вот данные о наличии танков и бронетехники на 29 вагуста 1941 года: 7 КВ, 20 Т-34, 82 Т-26, 13 ХТ-130, 22 БТ, 10 Т-40. Всего 154 тяжёлых, средних и лёгких танка. Кроме того, 23 бронеавтомобиля: 10 БА-10 и 13 БА-20. Кроме двух танковых полков в состав дивизии входил 109-й мотострелковый полк, а также разведывательный батальон, отдельный батальон связи, зенитно-артиллерийский дивизион, автотранспортный батальон, ремонтно-восстановительный батальон, понтонно-мостовой батальон, медсанбат, рота регулирования, полевой автохлебозавод, полевая почтовая станция, полевая касса Госбанка. Всё это оказалось в окружении. Удалось вырваться десятку танков и нескольким группам мотострелков и тыловых служб. В окружении не оказался лишь 109-й гаубичный артиллерийский полк, оставшийся на своих закрытых огневых позициях в районе деревни Май южнее Кузьминичей.

В дни тяжёлого кризиса на фронте 43-й армии на КП правофланговой 211-й стрелковой дивизии прибыл командующий фронтом генерал Жуков. В «Воспоминаниях и размышлениях» этот эпизод маршалом преподнесён в следующей интерпретации: «Не везде, конечно, всё проходило гладко. Мне хочется рассказать об одном досадном происшествии. Стрелковая дивизия 43-й армии, получив задачу захватить плацдарм на западном берегу реки Стряны, не обеспечила свой левый фланг после форсирования реки и без должной разведки стремительно двинулась вперёд. Молодой, ещё недостаточно опытный командир этого соединения допустил большой промах, не приняв нужных мер боевого обеспечения. Этой ошибкой немедленно воспользовался противник. Танковой контратакой он смял боевые порядки дивизии. Советские воины сражались стойко, они умело отражали удары врага, нанося ему значительный урон. Особенно ощутимые потери понесли танковые части противника от нашей противотанковой и дивизионной артиллерии. Сейчас трудно сказать, какая сторона имела больше потерь. Контратака гитлеровцев была отбита, но и нам пришлось на этом участке остановить наступление. Такова была расплата за необдуманные действия командира этой дивизии. Почти до самого вечера 9 сентября пришлось мне вместе с командиром находиться на его наблюдательном пункте, исправлять допущенную оплошность».

Во время неудачного наступления 43-й армии в критическое положение попала не только 211-я стрелковая и 109-я танковая, но и другие части.

К 13 сентября немцы в результате серии мощных контратак вытеснили наши подразделения за реку Стряну и окопались по западному берегу. Наступила пауза. Она была непродолжительной. Изредка линию фронта нарушали лишь разведгруппы обеих сторон да мелкие группы и одиночные бойцы и командиры частей, оказавшихся в окружении в предыдущих боях. Теперь они выходили на позиции соседних частей, на пулемёты дозоров, на боевые охранения, рискуя в конце мучительного пути получить пулю от своих.

Дождь лил с самого рассвета. Да и рассвета, казалось, не было. Так, немного просветлело. Стали видны верхушки деревьев. Ночью из поймы Стряны по окрестным лугам и лесным болотам расползся туман. Перемешанный с толовым дымом, гарью и мелкой пылью дождя, он теперь казался непроницаемым и вечным.

Сержант Никаноров смотрел в щель, в раздвинутые ветки в стенке шалаша и не понимал, то ли дождь струится по его щекам, то ли слёзы. В голове стоял гул. Тоже непонятно: оттого ли, что вторые сутки не спал, или всё же контузия…

Снаряд разорвался совсем рядом. Как его не задело? Немцы стреляли бронебойными. Впереди прорывавшейся колонны всё ещё шла «тридцатьчетвёрка». Три лёгких танка загорелись сразу, в самом начале прорыва, когда они бежали прямо на немецкую батарею. А теперь стреляло всего одно орудие. Немцы вначале бросили его; расчёт, видимо, убежал в лес. Потом вернулись. И стреляли им в спину. Почему «тридцатьчетвёрка» на раздавила его? Бронебойные болванки со скрежетом рубили неподатливую броню танка, высекая снопы искр, но первое время не могли причинить танку никакого вреда. «Тридцатьчетвёрка» развернулась и пятилась, защищаясь толстой лобовой бронёй. Потом немцы начали стрелять фугасными. Вот тут-то и досталось им, бежавшим за танком, укрываясь от пулемётного огня из перелеска.

Из всего взвода до опушки леса добежали только трое из их взвода: братья Кудряшовы и он, сержант Никаноров, помкомвзвода. Танкист к ним приблудил уже в лесу, вечером. Из той самой «тридцатьчетвёрки». Не удалось и ей выбраться из того ада. Братья Кудряшовы бежали рядом с танком, они и вытащили механика-водителя. Остальные сгорели.

Механик-водитель вроде тоже контуженый. Или всё ещё испуг не прошёл. Всю ночь бредил. Какого-то капитана звал. Никаноров на всякий случай забрал у него пистолет. ТТ с полной обоймой танкист отдавать не хотел. Сказал, что это пистолет комбата, что тот остался в танке и что это единственное доказательство, что комбат погиб.

Дождь стал утихать. Кудряшовы и танкист ещё спали. Сержант Никаноров им завидовал. И когда это с ним случилось? Как только начинались бои, у него начисто пропадал сон. Санинструктор Селиванов сказал, что это нервное. Нервное… Не замечал он за собой никакой повышенной нервозности. В первом бою во взводе многие обделались. После на речку стираться пошли. Целое отделение набралось на постирушки. А он хоть бы что. И каждую деталь запомнил. Стрелял, головы с бруствера не убирал, на бойцов покрикивал, на своё первое отделение. Где оно теперь, его отделение? Бердников, Султреков, Алёшинцев, Зимаков, Брянцев, Кузьминский, Панюшкин… Панюшкин ещё перед прорывом куда-то исчез. Этот брянский всегда был какой-то скрытный, ненадёжный. В первом бою просидел на дне окопа и не сделал ни одного выстрела. Никаноров после боя ходил по траншее и проверял все винтовки. «Почему не стрелял?» – спросил Никаноров Панюшкина. Тот виновато улыбнулся и сказал, что был перекос патрона. Никаноров ненавидел эту его улыбку. Она у него всегда была наготове. И как он такой попал на фронт? Лучше бы хлеб молотил в своём колхозе. Но потом выяснилось, что Панюшкин был вовсе не из колхозников, а

из служащих – до войны работал бухгалтеров в райпотребсоюзе в небольшом городке недалеко отсюда.

Недалеко отсюда… Вот и мотанул двору, с неприязнью подумал о своём бойце сержант Никаноров. Но тут же спохватился: а может, зря на человека тень навожу? Лежит сейчас мой Панюшкин где-нибудь возле леечки в луже крови…

Дождь исполнял свой тоскливый концерт, тянул однообразную мелодию. Капли шлёпали по расквашенным ботинкам сержанта Никанорова и по прикладу винтовки, лежавшей рядом с братьями Кудряшовыми. Вторую винтовку братья где-то потеряли. Кто-то из них бросил винтовку, подумал Никаноров, наблюдая за спящими. Интересно, кто? Старший, Кондрат, или младший, Федька?

Кондрат винтовку не бросит, успокоил себя сержант Никаноров тем, что рядом с ним теперь есть хотя бы один надёжный человек, на которого можно надеяться как на себя.

Тело ослабело. Начинало трясти. Что это, прислушивался он к своему состоянию, неужели всё же контузия? Пальцы дрожали. Нет, решил Никаноров, просто устал. И холодно. Надо идти. Хватит спать. Немцы, видимо, уже добили батальон, пожгли последние танки и теперь прочёсывают лес. Надо уходить. Уходить…

Мысль о том, что оставаться здесь больше нельзя, начала выдалбливать усталое сознание сержанта Никанорова, как непрерывные капли, стекающие по сучку, выдалбливали лунку рядом с противогазной сумкой, в которой лежали запасные диски для автомата. Ухо-дить, ухо-дить… Бе-жать, бе-жать… Ать-ать-ать…

Кажется, он задремал. Но задремал с открытыми глазами. В прогале между соснами, по зарослям черничника и бересклета шли двое, потом к ним подошёл ещё один, в немецких касках, в тёмно-зелёных шинелях с погонами, у двоих винтовки на изготовку, у третьего – за спиной, этот третий что-то ест, кажется, сухарь. Откуда у него сухарь? Разве немцев кормят сухарями?

Сержант Никаноров вздрогнул и почувствовал, как спина покрылась жаркой испариной. Подтянул к щели в шалаше автомат. У него полный диск. Немцев трое. Идут не редкой цепью, как в бою, а толпой. Они не чувствуют опасности. Значит, устали. Или заканчивают обход. Может, пройдут мимо и не заметят их шалаша? Шалаш старый, сделанный ещё летом, видимо, во время сенокоса. Даже если заметят, могут не обратить внимания. Если их только трое… Только бы не заклинило автомат.

ППШ ему достался от взводного. Лейтенанта Акопяна убило вчера во время миномётного налёта, ещё до прорыва.

Послышались голоса. Странно, разговаривали по-русски.

В груди отвердело так, что стало трудно дышать. Слишком долго приходится ждать, подумал сержант Никаноров о своём положении. Братьев Кудряшовых и танкиста будить нельзя – зашумят. Тогда немцы точно заинтересуются одиноким ветхим шалашом под старой елью. Хорошо, что танкист затих, перестал бредить. В тумане сквозь дымку дождя виднелась тропинка, по которой шли ещё несколько человек. Их-то и взял на мушку сержант, когда решил стрелять, прежде чем немцы их обнаружат. Пока можно было воспользоваться единственным преимуществом – внезапностью.

Но шедшие по тропе были одеты в красноармейские шинели. Пленные! Их ведут туда, на запад, к Костырям.

В ушах зазвенело. Контузия. Вот почему меня так трясёт, подумал Никаноров.

Пленные вереницей прошли по тропе и свернули в заросли молоденького ельника, в сторону луга. Там слышались другие голоса. Значит, всех, кого обнаружили в лесу, сгоняют туда, на луг. Как они могли заночевать в таком опасном месте?

Запахло табаком. Табак немецкий, суррогатный, но всё равно приятный, всё равно – табак.

Последнюю завёртку они сделали вчера, на пару с лейтенантом Акопяном. Курили по очереди. Через минуту лейтенанту срезало затылок осколком мины, и сержант Никаноров прикопал его в овраге, где они лежали, прячась от обстрела и докуривали последнюю самокрутку.

У-хо-дить, у-хо-дить… Бе-жать, бе-жать-бе-жать – часто, с ускорением вдруг зашлёпали капли дождя по каске. Каску он не бросил. Теперь хоть голова была сухая.

На какое-то мгновение его расчётливое сознание затуманилось, словно и туда проникла холодная пелена дождя. Он быстро и бесшумно раздвинул мокрые ветки и протиснул под них своё дрожащее тело. Автомат всё же решил не оставлять в шалаше, потянул за собой за сырой ремень. Противогазную сумку с запасными дисками – тоже.

Немцы стояли по ту сторону и курили, тихо переговариваясь между собой. Они не видели, как сержант Никаноров бесшумно перебежал к зарослям можжевельника, прополз шагов двадцать и спрыгнул в овраг. Заросли черничника и сырой мох глушили звуки его шагов.

В овраге густо росла крапива и таволга. Теперь, к осени, они вызрели в жилистые бурые будылья и стояли плотно, словно болотный камыш. Здесь они не будут искать, с надеждой подумал Никаноров и перестал дышать. Ему казалось, что немцы могут услышать его дыхание и то, как стонет, пищит, словно загнанная мышь, его душа. Нет, нет, он не трус, просто так лучше, так разумней. Рассредоточиться… Мелкими группами, как сказал старший политрук перед прорывом. Выходить лучше мелкими группами. Так больше шансов выйти. Хотя бы кому-то… Всем всё равно не выйти…

Какие-то странные звуки донеслись со стороны сосняка. Или показалось? Нет, это показалось. Дождь шлёпает. Тихо. Немцы ушли.

Сколько сержант Никаноров просидел в овраге, он и сам не мог определить. Выбрался, когда уже начало смеркаться. Значит, день миновал.

В пасмурную погоду ориентироваться плохо. Где восток? Где запад? Солнце сквозь низкие тучи не угадывалось. Где оно теперь садилось, попробуй разберись. Но деревья, обросшие с северной стороны лишайником и мхом, указывали, что восток там, за сосняком. А ему надо на юго-запад, чтобы выйти на дорогу. Варшавское шоссе наверняка удерживали наши. Там слышалась дальняя канонада. Артиллерия работала километрах в десяти, не меньше. Ерунда, подумал он, два-три часа ходу. Только бы лес не кончался.

Он вспомнил карту. Старший политрук несколько раз расстилал её на дне траншеи, пытался понять, как им теперь быть. Нет теперь ни старшего политрука, ни карты.

Но прежде чем уходить, он решил пробраться к шалашу и разбудить братьев Кудряшовых и танкиста.

Как тихо стало в лесу, когда ушли немцы. Выбравшись из оврага, он снова прислушался. Ушли. Не заметили. Ни его, ни шалаша.

Можжевеловые кусты покачивались от тяжести дождевых капель, висевших на каждой иголке. Он пробрался ближе к соснам, стараясь не задевать унизанных дождевыми каплями можжевёловых веток. Он умел ходить в лесу тихо, не оставляя следов. Теперь у сержанта Никанорова появилась уверенность, что он выйдет из окружения, выберется из этой жуткой передряги, в которую попала, видимо, вся дивизия, и выведет братьев Кудряшовых и контуженого танкиста. Руки всё ещё дрожали, но в ногах появилась твёрдость, и голова работала ясно, как будто в последнюю ночь он хорошенько выспался.

По своему следу, который мог определить в зарослях черничника и моха только он сам, сержант Никаноров пробрался к шалашу. Затаился. Тихо. Как тихо было кругом! Шум в ушах прекратился, и он явственно слышал ту лесную тишину, о которой в последние месяцы только вспоминал, думая о своей родной деревне, о семье и обо всём довоенном. Стволом автомата он отвёл мокрые ветки. В шалаше было пусто. Ушли! Ушли без него! Вот сволочи!

Он раздвинул ветки пошире. Ничего, кроме обрывка грязного бинта на примятой белёсой подстилке он не увидел. Ушли… Бросили его и ушли… Куда? Где их теперь искать?

Он обошёл шалаш вокруг, пытаясь найти хоть какие-то следы и понять направление их движения. Но ничего не нашёл. Хотя кругом было всё истоптано. И возле лаза в шалаш валялся промокший от дождя окурок сигареты. Откуда здесь окурок? Какие сигареты. Сержант Никаноров поднял окурок. Немецкая! Сигарета была немецкая. Такие он видел. У разведчиков выменивали на тушёнку.

Сержант Никаноров сделал ещё один круг, на этот раз обходя шалаш пошире и осматривая каждый кустик, каждый перевёрнутый листок и опрокинутый мухомор. То, что он увидел в следующее мгновение, заставило его вздрогнуть и присесть в черничник.

Возле берёзы валялась винтовка. Это была винтовка братьев Кудряшовых. Перебитый приклад. Затвора не было. В примятом черничнике три обоймы и несколько патронов россыпью. Если бы они бросили винтовку сами, зачем её было разбивать о берёзку? Вон она, свежая метина на берёзовой коре. Ударили с силой, так что отлетела торцевая металлическая накладка приклада.

Теперь сержант Никаноров понял, что его бойцов угнали немцы. Вот откуда слышался тот странный звук, когда он сидел в овраге.

На мгновение он оцепенел. Он пытался оценить положение, в котором оказался, и свои действия, но не мог. Мысли рвались. В голове снова появился шум. Он накатывал волнами, как дождь в поле во время ветра. Но теперь в лесу было тихо.

Спустя двое суток, ночью, он вышел на пост одного из батальонов 53-й стрелковой дивизии. В окопе боевого охранения сидели четверо. Они накормили его холодной кашей, налили в кружку самогонки. Он выпил и заплакал. Каша не лезла в горло, падала на колени и на полы шинели. Он подбирал её и

дрожащими пальцами запихивал в рот. О ком плакал он тогда, в окопе боевого охранения под Кузьминичами? О себе ли, что вышел всё же к своим, несмотря ни на что? О своих ли товарищах, о братьях Кудряшовых и танкисте, судьба которых теперь терялась в гигантской буре бушевавшей вокруг войны? О тех ли, кого оставил на Стряне?

Сержант, сидевший у пулемёта, посмотрел на его внезапные слёзы и покачал головой:

– Натерпелся… Ладно, поспи, браток. Больше тебе наливать нельзя. Скоро сменимся, тогда отведём в штаб. Там и горяченького поешь.

Там, в окопе боевого охранения, оказавшись среди чужих людей, сержанту Никанорову первый и единственный раз за всю его долгую жизнь хотелось рассказать, что произошло с ним и его товарищами в лесу после прорыва. Ни несколько часов спустя, когда в штабной землянке его будет опрашивать пожилой командир с нашивками батальонного комиссара, ни потом, когда только во сне, и всё реже и реже, война будет возвращаться к нему, он так и не расскажет никому о том, что после прорыва выходил не один.

За час до рассвета

«…Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года…»

В 43-й новый командарм. О том, как генерал Селезнёв избежал военного трибунала. Судьба генерала Собенникова: от прапорщика царской армии до генерала Красной армии. Из комфронта – в командармы. Арест генерала Селезнёва. Положение 43-й армии перед немецким наступлением. Группировка противника. День «Т». В обстановке строжайшей секретности. Передатчик работает в пустоту. Роль «добровольных помощников» – «хиви» и четвёртые батальоны. «Хоть с чёртом, но против большевиков». Катя из трудовой армии и лейтенант Иван

43-й армией под Рославлем командовал генерал-майор Пётр Петрович Собенников. 5 сентября 1941 года он заступил на должность командарма, сменив на этом посту временно исполнявшего должность командующего генерал-лейтенанта Ивана Александровича Богданова. Генерал Богданов одновременно занимал должность заместителя командующего войсками Резервного фронта. Только что с должности командарма был смещён генерал-майор Дмитрий Михайлович Селезнёв. Причиной его отстранения от командования стали неудачные действия 43-й армии в ходе Ельнинской наступательной операции. Генерала, по всей вероятности, ждал суд. Если учесть, что ситуацией управлял командующий Резервным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков, имевший в войсках репутацию человека жестокого и бескомпромиссного, то перед генералом Селезнёвым открывалась мрачная перспектива. К счастью, на должность командарма 43-й пришёл человек и генерал, которого война уже протащила по своим крутым горкам, рвам и окопам, и он знал, что такое невыполнимые приказы и какой противник стоит по ту сторону нейтральной полосы и что после каждой неудачи начальству требуется козёл отпущения.

Жукова отозвали в Ставку и вскоре направили под Ленинград. Генерал с таким твёрдым характером и таким оперативным умом и интуицией, какими обладал Жуков, в те труднейшие дни нужен был везде. Особенно остро это понимал Сталин. Он направлял Жукова туда, где положение либо приближалось к катастрофическому, либо уже было таковым.

Разбираться с делом генерала Селезнёва поручили его преемнику. В архивах сохранились документы той поры, и среди них приказ, подписанный новым командармом, с требованиями прокурорского расследования «событий 30.08.41-2.09.41 в полосе действий 211-й сд, приведших к невыполнению задач, поставленных перед войсками 43-й армии Ставкой и Резервным фронтом».

До сих пор история отстранения от должности генерала Селезнёва и его дальнейший арест являются предметом дискуссий историков и краеведов. Период был сложный, и он не оставил подробных документов. Некогда было документировать некоторые распоряжения и приказы. Нужно было действовать.

Так вот по одной из версий, которая наиболее правдоподобна, новый командующий спустил дело генерала Селезнёва на тормозах. Дело в том, что ВРИД командующего 43-й армией генерал И.А. Богданов поступил весьма мудро: он отстранил командира 211-й стрелковой дивизии и назначил на неё генерала Селезнёва с приказом: собрать бросившие свои позиции полки и батальоны и срочно восстановить положение, что и было исполнено в кратчайший

период. Это спасло генерала Селезнёва от военного трибунала, а генералу Собенникову дало законный повод не доводить дело до суда. Забегая вперёд, скажу, что генерал Селезнёв ещё вернётся на страницы нашего повествования в качестве спасителя ситуации под Угодским Заводом и Тарутином. И это произойдёт очень скоро.

Иван Петрович Собенников родился 13 июля 1894 года в Кронштадте в семье офицера царской армии. Его отец в годы Русско-турецкой войны 1877–1878 годов отличился в одном из сражений под Плевной, за что был пожалован офицерским чином и дворянским званием. Пётр Собенников пошёл по стопам отца, поступил в Николаевское кавалерийское училище в С.-Петербурге, с успехом окончил его и в звании прапорщика отбыл на фронт Первой мировой войны. Училище, которое окончил будущий генерал Красной армии, было элитным военным учебным заведением. В нём учились Лермонтов, Мусоргский, а также генералы Белой армии Каппель, Марков, Шкуро, Улагай. Дворянское происхождение Собенникова не раз будет ему аукаться. В 1918 году, сняв погоны царского офицера, Собенников вступил в Красную гвардию. Воевал за лучшую долю для своих соотечественников. После Гражданской войны окончил Военно-академические курсы высшего начсостава РККА и Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава РККА. Служил в Красной армии на командных должностях и в штабах. С 1939 года преподавал общую тактику в Военной академии им. М.В. Фрунзе. С 1940 года – заместитель генерального инспектора кавалерии РККА. В марте 1941 года назначен командующим 8-й армией Прибалтийского особого военного округа, который вскоре будет преобразован в Северо-Западный фронт. В двадцатых числах июня части 8-й армии контратаковали немецкие войска под Шяуляем и задержали их наступление на несколько дней. Успешная атака Собенникова была замечена Ставкой, и вскоре генерала назначают командующим войсками Северо-Западного фронта. Но в дальнейшем военная удача отвернулась от него. Хотя под Сольцами на Новгородском направлении войска Северо-Западного фронта в середине июля проведут довольно успешную операцию, отбросят противника на 40 км и разгромят тылы 56-го моторизованного корпуса. Противник вынужден будет в срочном порядке усиливать группу армий «Север», снимая с Московского направления дивизии и целые корпуса.

Северо-Западный фронт подвергся новым ударам немецких войск. Началась полоса поражений и неудач. Ставка склонна была виновных искать на месте. Были расстреляны командующий 34-й армией генерал-майор Качанов, его заместитель, начальник артиллерии армии генерал-майор Гончаров. Собенникова отстранили от должности, но не арестовали. Назначили с понижением – командующим одной из армий Резервного фронта.

И вот в самый разгар наступления Красной армии на Рославльском направлении генерал-майор Собенников вступил в должность командующего войсками 43-й армии.

Дивизии и части армии, занимавшей, пожалуй, самое опасное направление – участок фронта на Варшавском шоссе, к началу сентября понесли большие потери и пребывали не в лучшем состоянии. В состав армии вошли 113-я стрелковая дивизия генерала Преснякова, а также 145-я и 148-я танковые бригады. Обе бригады не имели и десятой доли бронетехники, которой располагала погибшая в окружении 109-я танковая дивизия.

В «Книге Памяти. 1941–1943 годы» г. Рославля приводится точное расположений частей и подразделений 43-й армии к моменту немецкого наступления в октябре. «Оборону на Десне 2.10.41 г. здесь занимали уже знакомые нам 43 Армия и её 211, 222 сд с 1285 сп 60 сд. Участок по р. Стряна от д. Кувшиновка до д. Липовка (на р. Десна у д. Холмец) – 222 сд и 145 тбр, по Стряне с севера 778 сп, далее 145 тбр, в тылу у Шатькова – 774 сп, по Десне (от Стряны до д. Липовка) – 757 сп 222 сд. Участок от Холмец до Новословени (район д. Ломакино) – 1283 сп 60 сд (ополченцы Москвы). От Новословени до Новотрояновки – 894 сп 211 сд. От Кукуевки (против современного Десногорска Рославльского района Смоленской области) до Колодези, перекрывая шоссе, стоял 12 сп 53 сд, затем от Колодези до Дубровки стоял 223 сп 53 сд (имея даже плацдарм на другом берегу Десны у Караковичи), а на стыке с Брянским фронтом – полк

149 сд (от Дубровки до Фроловки.) В тылу у шоссе стояли 320 сп, 148 тбр, два полка 149 сд и 113 сд 33 Армии».

Генерал Собенников располагал также тремя гаубичными полками и двумя зенитными батареями. Вместе с дивизионными артполками и артиллерией стрелковых полков армия имела 440 орудий и миномётов.

В сентябре армии подчинили 10-ю смешанную авиадивизию. Но она лишь считалась таковой, имея 6 исправных истребителей и 4 бомбардировщика. Сил САД хватало лишь на разведывательные полёты.

КП расположился в районе Крапивны близ шоссе.

Что же происходило по ту сторону фронта?

Противник готовился основательно. Чем-то эта подготовка и мощь войск, занявших исходные районы на восточных берегах Десны и Днепра, повышенные меры секретности напоминали июнь минувшего лета, когда германские войска группы армий «Центр» изготовились для броска за Буг.

Командующий группой армий «Центр» сформировал три ударные группировки: северную – 9-я полевая армия и 3-я танковая группа (район Духовщины); центральная – 4-я полевая армия и 4-я танковая группа (район севернее Рославля); южная – 2-я полевая армия и 2-я танковая группа (район Шостки и Глухова).

К концу сентября немцы значительно усилили группу армий «Центр». В неё теперь входили три армии и три танковые группы – 13 армейских и 8 моторизованных корпусов, 72 расчётные дивизии, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных. Вся эта армада была выстроена в два эшелона и, как хищник, изготовившийся для решающего броска, затаилась в рославльских и брянских лесах и ждала нужного момента. Нужный момент был определён директивой Генштаба от 17 сентября 1941 года. Директива, кроме всего прочего, требовала от войск строжайшей скрытности и тайны передвижения и сосредоточения.

«Главное командование сухопутных сил обращает внимание на то, чтобы перегруппировки войск группы армий «Центр», необходимые для проведения операции «Тайфун», оставались по возможности скрытными для русских, в особенности передвижения моторизованных соединений в район расположения группы армий «Центр», а также перемещение главных сил авиации.

(…)

…кроме того, следует позаботиться о том, чтобы войска выходили в районы исходных позиций предстоящего наступления по возможности позднее и с применением мероприятий по дезинформации русских.

День начала предполагаемого наступления – «Т» – будет сообщён за три дня (в день «Т» – 3 – в полдень)»[8].

В сентябре из района Ленинграда в район Рославля была переброшена 4-я танковая группа. Таким образом, из четырёх танковых групп, действовавших на Русском фронте, для удара на Москву немцы сосредоточили три. Следует также учесть, что именно 4-я имела полнокомплектные дивизии и полки, которые накануне было пополнены новыми танками и бронетехникой и доведены до штатной.

Танковые группы фон Бок расположил следующим порядком: из района Глухова и Шостки направлением на северо-запад – через Севск и Дмитровск-Орловский и далее на Орёл и Мценск должна была атаковать 2-я танковая группа Гудериана; 4-я танковая группа Гёпнера изготовилась для удара вдоль Варшавского шоссе из района Рославля на Спас-Деменск и Юхнов, правым своим крылом на Киров и Сухиничи, при этом танковые корпуса должны продвигаться вдоль шоссе, а затем поворачивать на север с целью замкнуть кольцо вокруг Вязьмы

[8] ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 27.

и обороны советских армий, сконцентрированных там; 3-ей танковой группе Гота назначался район севернее Духовщины, танки Гота готовились прорывать оборону советской 19-й армии, которой командовал генерал-лейтенант М.Ф. Лукин.

Забегая вперёд, скажу, что все три танковые группы успешно выполнят свою задачу и на первом этапе «Тайфуна» добьются сокрушительных результатов. Но сопротивление наших отдельных частей, полков, дивизий, противотанковых дивизионов, батарей и просто одиночных орудий заставят их значительно дольше, чем планировалось, задержаться под Вязьмой, у Брянска и Трубчевска, у Юхнова, Медыни и Малоярославца. Сталин переиграет Гитлера и здесь. А генерал Жуков окажется более гибким и удачливым полководцем, чем фельдмаршал фон Бок. Помните, что воскликнул князь Кутузов, наблюдая за продвижением наполеоновских войск к Москве? «Будете конину жрать! Будете…» Так и в 41-м: «Будете в грязи барахтаться! Будете мёрзнуть в поле, в окопах, под калёными ветрами русской зимы! Будете вздрагивать от скрипа снега под лыжами русских автоматчиков! Будете…» И, как показали ближайшие месяцы на спаде «Тайфуна», барахтались, мёрзли, вздрагивали.

Но вернёмся под Рославль, ближе к позициям 43-й армии.

Как уже сказано, из ГА «Север» на центральный участок удара на Москву прибыла 4-я танковая группа. Переброска её производилась в строжайшей тайне. Москва не должна была знать, какую силу накапливает фон Бок в районе Рославля. Для того чтобы запутать советскую разведку, под Ленинградом, где всё это время действовали танковые дивизии Гёпнера, оставили штабной радиопередатчик, который продолжал работать в прежнем режиме с прежними, но теперь уже подставными абонентами. Наша радиоразведка, хорошо зная его стиль и почерк, ничего тревожного не почувствовала. Одновременно с этими мерами предпринимались другие. К примеру, из района севернее Ельни на стыке 4-й и 9-й армий противник постоянно атаковал небольшими подразделениями с ограниченными целями, беспокоя нашу оборону и создавая видимость разведки боем с целью нанесения именно здесь последующего сосредоточенного удара крупными силами.

Исследователь темы Вяземского сражения 1941 года Лев Лопуховский в своём капитальном труде «Вяземская катастрофа 41-го года» в главе «Боевой и численный состав войск сторон и общее соотношение в силах и средствах» приводит следующие данные: «На 1 октября в составе группы армий «Центр» насчитывалось 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и миномётов, 1700 танков, что составляло 42 % личного состава, 75 % танков и 33 % орудий и миномётов от общего их количества на советско-германском фронте. Наступление группы армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, имевший примерно 1390 боевых самолётов, из них половина – бомбардировщики. По данным американского специалиста по советской и немецкой истории Брайана И. Фугате, группа армий «Центр» без учёта личного состава люфтваффе на 2 октября насчитывала 1 929 406 человек, танков 1217, около 700 самолётов». И далее: «…немецкое командование создало самую сильную группировку сил и средств, которую вермахту до сих пор удавалось собрать на одном стратегическом направлении. Но пехотным дивизиям, по немецким данным, по-прежнему не хватало до штата примерно 1500 человек каждой, таким образом, их численность была на уровне примерно 15 500 человек в каждой». «По данным Института военной истории, – пишет далее Л. Лопуховский, – численность Западного фронта составляла 545 935 человек. По другим данным, на 25.09.41 в составе этого фронта насчитывалось 544 995 человек (в том числе начсостав – 61 574, младший начсостав – 83 148, рядовой состав – 4 000 273)[9].

Здесь следует заметить, что некомплект в своих дивизиях немецкие полевые командиры ещё с лета начали усиленно восполнять советскими военнопленными. Как ни горько это осознавать, но в немецкий плен часть красноармейцев попадала добровольно. Бросали оружие и

[9] *Лопуховский Л.Н.* Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Яуза; ЭКСМО, 2006. С. 92–97.

поднимали руки при первой опасности. А затем, оказавшись в плену, где главной и единственной целью для них стало выживание, многие пошли служить германской армии, в основном в качестве рабочей силы, обслуживающей и обеспечивающей войска передовой линии. Каждый полк немецкой пехотной дивизии к концу лета 41-го имел сверх штата так называемый ***четвёртый батальон***, сформированный из коллаборационистов – людей, по различным причинам добровольно перешедших на сторону вермахта и согласившихся служить его интересам.

Четвёртые батальоны компенсировали некомплект за счёт того, что работа тыловых служб была частично переложена на плечи «хиви» и различных подразделений, сформированных из пленных красноармейцев и местного населения, пожелавшего служить ***новому порядку*** либо вынужденного эту службу исполнять по различным причинам объективного и субъективного характера.

После нескольких месяцев войны на Востоке, где боевые действия отличались от военных маневров на Западе наибольшим числом потерь, немецкие командиры поняли, что Германия не сможет целиком компенсировать выбывших. В этих обстоятельствах к тыловым работам, на свой страх и риск, они начали привлекать добровольных помощников из числа советских военнопленных (Hilfswillige, или сокращённо «хиви» – «желающий помочь»). «Хиви» работали в немецкой армии конюхами, шоферами, подносчиками снарядов, механиками, санитарами, военными строителями, сапёрами. Они чинили обувь и одежду, стирали, ремонтировали, обслуживали, обеспечивали. Особую группу составляли подразделения по борьбе с партизанами и вооружённые добровольцы. «Хиви» получали довольствие, в том числе продуктовое, вещевое и финансовое – рубли, которые по-прежнему имели широкое хождение, или марки. К примеру, в полосе действий группы армий «Центр» в разное время из числа, так сказать, бывших советских граждан были сформированы боевые единицы – 619-й ост-батальон, 406-й, 615-й, 616-й (железнодорожный; г. Орёл), 617-й (Почеп), 618-й (Трубчевск – Трубчевский батальон народной стражи), 621-й восточный артдивизион, полк особого назначения «Десна», 1-й Восточный запасной полк «Центр», 602-й ост-батальон «Днепр», 609-й ост-батальон «Припять», 605-й ост-батальон «Волга», 601-й ост-батальон «Березина», русская караульная рота «Гомель», группа «Белый Крест» (Велиж), танковый взвод «Панцерцуг 682», 752-й артиллерийский батальон, а также сотни зондеркоманд, полицейских и иных формирований. Люди, служившие в этих подразделениях, исповедовали две основные религии: ***выжить любой ценой*** или: ***хоть с чёртом, но против большевиков***. Впоследствии многие из них либо ушли в лес к партизанам, либо оказались в рядах власовских войск.

В недавно вышедшей в Москве книге «Вяземская голгофа генерала Конева» смоленский историк М.Н. Филиппенков, исследуя октябрьские бои в районе Сычёвки севернее Вязьмы, часто упоминает о подразделениях «желающих помочь» врагу, которые уже тогда активно действовали во время прорыва нашей обороны в составе 35-й пехотной дивизии вермахта. Трофейные документы подтверждают, что «хиви» участвовали в боевых действиях в период окружения вяземской группировки и её уничтожения и пленения в районе Холм-Жирковского и Касни.

Так что некомплект немецких дивизий был относительным. Кстати, в число потерь немецкой армии «хиви» не включались. Но это уже другая тема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.